

Милая, дорогая Софья Семеновна!

Дорогая Софья Семеновна! Трудное время мы переживаем с Вами. Встретил я Вас впервые в не очень благоприятный момент: в день смерти вашего отца. Впервые я узнал про Вас, когда ваш отец рассказывал в трактире о вас. Возможно, мы выделили друг друга среди всех постоянных посетителей, по моему, он даже искал человека, которому можно было рассказать о несчастной его жизни. Он не гнал мне, говорил все как есть. Он сказал, что деньги и вещи вашей матери он все пропил, и Вы пошли на эту «грязную работу», чтобы прокормить семью. В глазах общества вы стали презираемым, падшим существом. Вы принуждены были получить «желтый билет» и жить отдельно от вашей семьи по требованию хозяйки квартиры.

Ваш отец говорил мне: простит ли Вас всевышний в день суда? Признаюсь, я Вам откровенно, Вы совершили великий подвиг, жертвуя и отпуская себя. И я в том же числе. Я допустил себе кровь, по совести. Вы не пугайтесь. Это я убил старуху – процентщицу. После я вытащил ключ из кармана старухи, срезал кошель с шеи. Я услышал чей-то крик, и вернулся в комнату. Я увидел там Лизавету, сестру старухи, и убил ее тоже. Я думал, что мой план был тонко придуман, до мелочей, но последствия были ужасные. Мне было безумно страшно, я не знал, что делать, я часто падал и падаю до сих пор в обморок. Я не мог никому доверять. Казалось, что я теряю близких мне людей. Я не мог использовать эти украденные деньги и драгоценности. Я спрятал их где-то под камень, чтобы никто не смог найти. Сударыня, поверьте, мне не было стыдно за убийство, но почему-то, когда я бывал в полицейских участках, я был очень нервным. В один день мой товарищ Разумихин сказал, что Порфирий Петрович (следователь) хочет видеть меня, возможно, он подозревает меня в убийстве. Казалось, никаких улик против меня не было, но я сам своими действиями выдавал себя за преступника. Казалось, никаких улик против меня не было, но я сам своими действиями выдавал себя за преступника.

Никому еще я не признавался о моих совершенных убийствах. Знаете ли Вы, сударыня, почему я говорю все это вам? Именно Вам. Мы с Вами очень похожи. Я настолько беден, что никаким образом я не могу помочь моей сестре и матушке, вот почему я решился на такое дело. Я хотел спасти мою сестрицу Дуню от этого позорного брака. Я убил, чтобы спасти нашу семью, а Вы убили себя, чтобы сделать все ради своей несчастной, голодающей семьи, отказывая себе даже в самоубийстве. Вот почему и я решился рассказать Вам. И Вы, Соня, и я выбрали эту грязную жизнь ради того, чтобы спасти нашу семью. Мы пожертвовали «малое» для «большого дела». Я утверждаю, что от всех занимающихся тем же ремеслом, Вас отличает глубокая вера и религиозность. Вы стоите выше их, и теперь я могу ответить, что всевышний вас простит.

Вы не жертва этой жизни, а образ самого Христа, который, жертвуя собой, спас других. Вы просто будете страдать и винить себя, а у меня все не так. Хотя я тоже пожертвовал себя ради других, но я убил человека. Кровь пролил. А это куда страшнее Вашего греха. Не грустите и не вините себя.

Я считаю, мы можем, и мы должны поддерживать друг друга, ведь мы имеем похожие судьбы. Мы оба совершили то, за что дорога в рай нам может быть закрыта. Хотя в вашем случае у Вас есть шанс, Вы совершили свой грех ради голодающих детей, которых Вы искренне любите, хотя они Вам вовсе даже и не родственники. А вы для них за жалкие гроши пошли продавать себя. Вы продаете свое тело лишь для поддержания жизни в их телах.

Вид моего греха совершенно другой. Первоначально - да, он был направлен на благо: на улучшение жизни матери и сестры. Но после того, как я оставил деньги и драгоценности под камнем около реки, мое преступление потеряло всякий смысл. Оно не достигло первоначальной цели, то есть никоим образом не помогло моей семье. Оно лишь доставило мне множество мучений и более ничего. Меня мучили угрызения совести, но не только из-за убийства, ещё и за волнение обо мне близких людей.

Я постоянно падал в обморок, лежал в постели, болел, а моя семья и мой единственный друг все это время пытались мне помочь. Я же, в свою очередь, только отсылал их и не желал говорить с ними, тем самым лишь усугубляя своё положение и усиливая их волнение.

Прошу Вас не судить меня строжайшим образом. Ведь поначалу мои намерения и вправду были хорошие. И лишь потом я, осознав всю глупость и неосознанность своего преступления, проникся пониманием ничтожности своей теории и положения своего в обществе. И в голову пришла мне мысль, что я НИКТО, чтобы судить других людей, ведь я права морального не имею. Ничего я не сотворил полезного. Получается, что я ошибочно сравнил себя с Наполеоном, зазнался и убил. Во всем виноват лишь я один, а значит, мне одному за это отвечать.

Беспредельно преданный вам Родион.

Стилизация
АНУАРА АМАНГЕЛЬДИЕВА
Февраль, 2017

**Милостивый государь мой,
Дмитрий Прокофич!**

К своему глубочайшему сожалению, я не имела чести быть представленной Вам лично, но все же собрала всю свою решимость, чтобы этим своим посланием выразить Вам искреннее восхищение, принятие и одобрение. Прошу, не считайте мое письмо дерзостью, я даже подумать не могу о том, чтобы намеренно Вас оскорбить или каким-либо другим способом нанести Вам обиду. То, с чем Вы при желании сможете ознакомиться ниже, является лишь сугубо моим мнением, не претендующим на что-то большее, и скромным порывом души.

Вы представляетесь мне как человек, у которого я бы хотела перенять множество свойств характера. Что, по моему суждению, крайне естественно, ведь о Вас говорят: «Разумихин был еще и тем замечателен, что никакие неудачи его никогда не смущали и никакие дурные обстоятельства, казалось, не могли придавить его». А стойкость воли и характера всегда были в моем понимании первостепенными качествами благородного человека.

Ваша способность найти хрупкий баланс между образом «веселого и общительного парня, доброго до простоты» и тем фактом, что «под этой простотой таились и глубина, и достоинство» поражает, и, полагаю, для Вас не является тайной, что «все любят вас», хоть и не каждый из Ваших многочисленных приятелей способен понять Вашу суть.

Во всей этой крайне запутанной, страшной истории об известном всем нам поступке господина Раскольникова Вам была уготована далеко не последняя роль, и я предпочитаю придерживаться сильного убеждения, что Вы проявили себя более чем достойно. Прошу извинить мою порой излишнюю сентиментальность, но я еще задолго до упомянутых выше роковых событий думала о Вашей дружбе с Родионом Романовичем как о предмете до боли трогательном и заслуживающем самой положительной оценки. Как все говорили в то время: «С Разумихиным же он почему-то сошелся, то есть не то сошелся, а был с ним общительнее, откровеннее». В Ваших кругах, как известно, его уважали, но никто не любил, но Вы стали Родиону Романовичу преданным другом и, несмотря на несколько месяцев, на протяжении которых господин Раскольников предпочитал избегать Вашего общества, проявили выдающееся стремление ему помочь, когда узнали о его тяжком состоянии.

Есть один незначительный и незаметный, по мнению многих, случай, о котором я совершенно случайно узнала на днях. В какой-то степени именно это знание и склонило меня к написанию данного письма.

В сущности, это событие было настолько мимолетным, что я не уверена, помните ли Вы о нем сами, тогда Вы столкнулись с Родионом Романовичем на улице, «но Раскольников отвернулся и даже перешел на другую сторону, а Вы хоть и заметили, но прошли мимо, не желая тревожить приятеля». Многие упоминают некоторую грубость в числе черт Вашей многогранной личности, но анализируя этот поступок, преисполненный заботой, внимательностью к своему другу и пониманием его потребностей, я не могу с этим согласиться.

По какой-то причине подобное крошечное происшествие выступает в моем сознании как логическое основание для Ваших следующих поступков: Вы поддерживали господина Раскольникова на всем его тернистом и тяжком пути и не отвернулись от него, даже узнав шокирующую правду, о которой мне жаль напоминать Вам. Но есть момент, который тронул мое существо еще острее – это то, что Вы нашли в себе силы и смелость позаботиться о прибывших в Петербург родственниках друга, его сестре Дуне и престарелой матушке Пульхерии Александровне. По моему скромному мнению, это в высшей степени благородно, особенно учитывая тот факт, что Вы даже выбыли на некоторое время из университета за недостатком средств, жили в довольно затруднительных условиях и усердно трудились, чтобы только прокормить себя самого.

Жалею, если упоминание сего Вы нашли неуместным. Я наслышана, что нынче принято вменять Вам в достоинство то, что Вы женились на Авдотье Романовне и продолжили оберегать Раскольниковых, находясь рядом и поддерживая даже в горестные дни угасания Пульхерии Александровны, но я считаю, что чистое и искреннее чувство, которое Вы питаете к Авдотье Романовне нельзя расценивать за одолжение порядочного и щедрого человека, ведь мы, как видит всевышний, не властны над порывами души. Вашу же заботу о семье невесты и друга я нахожу очередным доказательством доброго и любящего характера, коим Вы обладаете.

Я не желаю занимать Вас надолго и отвлекать от важных дел, которые, я убеждена, Вас уже ожидают. Хочу лишь пожелать Вам удачи и долгой, счастливой жизни в согласии с Авдотьей Романовной, а также выразить робкую, но неугасимую надежду на то, что Вы еще обязательно встретитесь с Родионом Романовичем.

**Искренне ваша,
КАМИЛЯ ДАНИЯРОВНА
ЕРЕНЧИНОВА**

Здравствуйте, милая Соня!

Я посмею Вам не представиться. Зачем? Скажу лишь, что я не из Вашего времени... «Как?» – спросите Вы. На это я не в силах дать ответа.

Я пишу читаемое Вами письмо отнюдь не просто так. Хочу Вас поблагодарить и, если Вы позволите, конечно же, задать несколько весьма нескромных вопросов.

Я узнала о Вашей, не побоюсь этого слова, несчастной судьбе совсем недавно и, о нет, сударыня! я не жалею Вас и не буду! Жалость – наисквернейшее чувство. Мне стало глубоко обидно за Вас, более скажу, я пребывала в ярости от несправедливости, по которой такой чистый и никому не причинивший зла человек, как Вы, вынужден страдать с самого начала своего существования.

С самого с Вашего детства Вы оказались без матери и, ко всему прочему, с пьяницей отцом. Затем Ваш отец женился на овдовевшей госпоже Катерине Ивановне, которая хоть и «преисполнена великодушных чувств, но дама горячая и раздраженная», а по сути, что только не вытерпели Вы от мачехи своей, возрастая. А то, как Катерина Ивановна смела Вас попрекать: «Живёшь, дескать, ты, дармоедка, у нас, ешь и пьёшь, и теплом пользуешься». И то, как стойко Вы на это реагировали... Всем бы Вашей силы и терпения. Но я не могу не заметить, что всё сказанное тогда мачехой Вашею вырвалось «при взволнованных чувствах, в болезни и при плаче детей не евших».

Вы, сударыня, даже не получили должного воспитания, впрочем, в этом не смею я винить ни Вас, ни отца Вашего. Я знаю, что Вы, любезная Соня, никогда бы не осудили отца своего в чём бы то ни было, и считаю своим долгом напомнить Вам, что любил он Вас чрезмерно! О, Софья Семёновна, знали бы Вы, с какой нежностью и любовью он рассказывал о Вас, с каким трепетом сердечным! Несмотря на это, ответьте мне, не обижались ли Вы на отца своего? Не злились ли Вы на него, когда приходил «на похмелье просить»? Когда Вы «тридцать копеек выносили, своими руками, последние»?

Сонечка, не хотела я Вам напоминать о следящем, да моё любопытство мною овладевает. Иные люди осудили бы Вас в том, что Вы «пошли по жёлтому билету», но, поверьте, точно не я. Вас вынудили, не нашлось в тот момент заступника Вашего, того, кто бы понял Ваше бедственное положение. Я же восхищаюсь и изумляюсь Вами одновременно. Как же самоотверженно и бескорыстно Вы пожертвовали собой во имя тех, кто даже не имел с Вами родства кровного!

Вы, должно быть, посчитаете, что я не ведаю, чрез какие душевные и нравственные страдания Вам пришлось пройти, и будете правы. Однако поверьте, я Вас точно не виню. И прошу Вас, Сонечка, не думайте, что я осуждаю мачеху Вашу, которая убедила Вас пойти на тот поступок своими словами: «Чего беречь? Эко сокровище!». Она многократно пожалела об этом, будьте уверены. Катерина Ивановна взаправду возродилась в глазах моих, когда вступилась за Вас перед господином Лебезятниковым, поплатившись побоищем: «Сначала сам добивался от Сонечки, а тут и в амбицию вдруг вошли... А Катерина Ивановна не спустила, вступилась... ну и произошло...».

Я окончательно и совершенно убедилась в том, что Катерина Ивановна Вас возлюбила и оценила, узнав о том, как она защищала Вас от обвинений в воровстве денег ужаснейшего господина Лужина. Я в силах только представить, какой одинокой и незащищенной Вы в тот момент себя ощутили: «Соня осмотрелась кругом. Все глядели на неё с такими ужасными, строгими, насмешливыми, ненавистными лицами... Со всех сторон полетели восклицания». Единственным человеком, который поверил Вам, была Катерина Ивановна. Отнюдь не для смущения Вашего, скажу, что я плакала, представляя как она «сотрясая вас в руках своих, как ребёнка, целуя вас бесчисленно, обнимала, как безумная... Дети тоже обхватили со всех сторон Соню своими ручонками...». Слова, тогда сказанные Катериной Ивановной, имели столько силы: «Соня! Я не верю! Видишь, я не верю! Да вы ещё не знаете, какое это сердце, какая эта девушка! Да она своё последнее платье скинет, продаст, босая пойдёт, а вам отдаст, коль вам надо будет, вот она какая! Она и жёлтый-то билет получила, потому что мои же дети с голоду пропадали, себя за нас продала!». Будьте уверены, милая Софья Семёновна, что Катерина Ивановна любила Вас до самого последнего издыхания.

Не знаю, догадываетесь ли Вы, но, благодаря Вашей внутренней силе, мудрости и любви к ближним, Вы сумели перенести все трудности бытия и резкие повороты судьбы. Вы достигли духовных высот и, посмею заметить, по-настоящему пришли к Богу. Кажется, поэтому Раскольников Родион Романович потянулся к Вам.

Чрез Вас он нашёл путь к искуплению и смог выжить. Да-да, Вы, должно быть, в смущении, но, прошу Вас, не пытайтесь этого отрицать. Одно лишь до сих пор мне непонятно. Я буду невероятно признательна, если Вы, любезная Соня, разъясните это мне, коли Вам будет угодно.

Почему Вы поехали за Раскольниковым в Сибирь? Почему Вы не испугались этого человека, узнав обо всех его деяниях? Вы ведь ещё не любили его тогда? Вы ведь не считали себя виновной в том, что он сознался? Быть может, Вы решили, что в новом месте обретёте новое начало? Как бы там ни было, Софья Семёновна, не отвечайте. Вы посвятили себя любви, посвятили себя Ему, а за это были вознаграждены бесконечной любовью. Это единственное, что мне важно было знать...

Благодарю Вас за всё,
с признательностью и уважением,
МАРАТ АДИНА

Здравствуете, дорогая сударыня Авдотья Романовна!

Прочитав роман Ф.И. Достоевского «Преступление и наказание», я пишу Вам это письмо с тревогой на сердце, но преисполненная нетерпением и любопытством. Я, несколько не преувеличивая, восхищена Вами. Ваши смелые поступки, Ваша твердая воля и великолепная душа произвели на меня такое сильное впечатление, что я набралась решимости и подробно изложила Вам все свои впечатления с помощью данного письма.

Известно, что Вы были замечательно хороши собою. «Высокая, удивительно стройная, сильная, самоуверенная, что высказывалось во всяком жесте и что, впрочем, несколько не отнимало у Вас движенья мягкости и грациозности». Вы были бриллиантом, но семейная обстановка не давала Вам возможности засверкать. «Перчатки... были не только заношенные, но даже изорванные». Отец Ваш давно умер, а брат учился в Петербурге, и Вы с мамой, Пульхерией Александровной, остались одни в маленьком городке. Тогда Вам только исполнилось девятнадцать лет. Сейчас, в XXI веке, немногие умеют самостоятельно жить в таком возрасте: родители всегда обеспечат деньгами, жильем. Вам, однако же, пришлось взвалить на себя тяжелое бремя и ухаживать за мамёнкой, встав на ноги с ранних лет. В ваше время женщины редко работали, но для того, чтобы прокормить свою семью, Вы решились стать гувернанткой в доме Свидригайловых.

Последствия этого решения оказались тяжёлыми: сумасброд Свидригайлов всегда относился к Вам грубо и ставил Вас в неловкое положение, насмехаясь. Вы, обладая гордостью и достоинством, обязательно бы отказались от службы, но ради мамы Вам пришлось молча сносить все обиды. Наверное, так бы и продолжилось, если бы ветреный Свидригайлов не сделал Вам оскорбительного предложения. Именно это событие вызвало столько проблем, причинило Вам столько боли. Слухи разнеслись по всему городу. За один день Ваша репутация, репутация молодой и невинной девушки, была уничтожена. Я могу лишь пытаться представить, как Вам с мамой трудно тогда приходилось! «...Нам даже в церковь нельзя было ходить с Дуней от презрительных взглядов и шептаний, и даже в слух при нас были разговоры», - писала ваша мать в отчаянии. Дела были настолько плохи, что Ваша мамёнка даже заболела.

Другая девушка на вашем месте бы рыдала в отчаянии или даже покончила бы с жизнью, но Вы,

несмотря на оскорбления и унижения, сносили все незаслуженное осуждение посторонних и утешали маму. Насколько у человека должна быть твердая воля, чтобы пережить такое!

Конечно, Вы могли попытаться все разьяснить, но Вы не стали, так как знали, что «клевета – порок, обладающий необычайными свойствами: стремясь умертвить ее, вы тем самым поддерживаете ее жизнь; оставьте ее в покое – и она умрет сама». В конце концов, к моему счастью, Ваше имя было очищено от позора. Тем временем Вы познакомилась с господином Лужиным, который посватался к вам.

В ту ночь Вы долго думали и рассуждали, так как знали, что при вступлении в брак с Лужиным Вы потеряете свое счастье и свободу; Вам придется подчиняться этому низкому, маленькому человеку, который считает себя великим благодетелем. Но эта страшная участь была ничтожна в Ваших глазах по сравнению с любовью к брату; ради светлого будущего Родиона Вы были готовы пожертвовать собою.

Я, безусловно, уважаю вас и тронута подобным решением, но, пожалуй, не могу полностью согласиться с ним. Человек не способен принести другим счастья, если сам несчастлив. Если он не может разобраться со своими проблемами и жизнью, он не сможет помочь другим. А как Ваш брат бы себя чувствовал? Он бы прожил всю жизнь, испытывая угрызения совести. Разве Вы этого хотели? Не думаю.

Но удача обратила к Вам свое лицо. Именно Ваша благородная и бескорыстная душа растрогала самого Господа Бога, и он наградил Вас, похвал храброго рыцаря, Разумихина. «...Никакие неудачи его никогда не смущали и никакие дурные обстоятельства, казалось, не могли придавить его...». Вы с Разумихиным во многом схожи – он ответственен, решителен; у него такая же железная воля, как у Вас. Разумихин – тот самый человек, который всегда поможет и защитит. Первый раз в жизни у Вас появилась опора, на которую Вы можете рассчитывать. Вместе вы проводили Пульхерию Александровну в мир иной, ухаживая за ней до конца ее дней. Я уверена, что в будущем все будет лучше и легче: через несколько лет ваш брат вместе с сударыней Соней вернутся с каторги, и вы сможете встретиться после долгой разлуки.

С искренним восхищением
и любовью,
ПЭЙ ЮНЬИН

**Милостивый государь,
Родион Романович!**

Знаете ли, дорогой мой Родион Романович, недавно я имела удовольствие прочитать довольно удивительную статью в газете «Периодическая речь». Много же усилий мне пришлось приложить для того, чтобы найти автора статьи, подписанную всего одной буквой. И все же один уважаемый редактор мне признался. Могу признаться и я, Ваша статья весьма содержательна и интересна. Чтение про «психологическое состояние преступника в продолжение всего хода преступления» действительно доставляет удовольствие! Но в конце Вашей статьи я уловила некую мысль, что проскользнула неясно, но имела довольно веский смысл. И я пришла к выводу, что Вы подразделяете людей на разряды «обыкновенных» и «необыкновенных». Вы считаете, что «не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками». И при этом Вы причислили себя к «необыкновенным», что дало право убить Вам старуху-процентщицу ради того, чтобы проверить, верна ли эта теория и, как Вы считали ранее, обеспечить необходимым своих близких и других: «Как ты думаешь, не заглядится ли одно, крошечное преступление тысячами добрых дел? За одну жизнь - тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен - да ведь тут арифметика!». Вы правы, я разузнала все про Вас, про Вашу жизнь и особенно много всего про Ваше убийство. Долго искать мне не пришлось, и так все в округе были осведомлены о Вашем деле.

Но что же с Вами стало, уважаемый Родион Романович? Ваша теория гениальна, но своим убийством Вы не помогли никому, только обрекли дорогих Вам людей на несчастье. Сами Вы жили бедно: «Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид», и Вы вполне могли поправить Ваше положение. Но что в Вашей теории пошло не так? Все должно было пройти идеально, а получилось наоборот. Все же, почему Вы избавились от украденного, вместо того чтобы подкинуть нуждающемуся под чужим именем? Многие Ваши поступков я не до конца могу понять. На мой взгляд, Вы совершили не до конца усовершенствованное убийство, и в этом Ваша главная ошибка.

«Бывают иные встречи, совершенно даже с незнакомыми нам людьми, которыми мы начинаем интересоваться с первого взгляда, как-то вдруг, внезапно, прежде чем скажем слово».

Именно такая встреча произошла у Вас с Семеном Мармеладовым: «Но что-то в нем было очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, - пожалуй, был и смысл, и ум, - но в то же время мелькало как будто безумие». Семен Захарович пропил все деньги своей семьи, из-за чего его родная дочь Соня пошла на панель, а три маленьких ребенка и его жена вынуждены были жить в убогой комнатухе. Кто бы мог подумать, что обычная встреча в баре может повернуться такими последствиями? В следствие Вашего с ним знакомства Вы познакомились с Соней, которая внушила Вам доверие, и после этого Вы признались ей в Вашем деянии.

Хотя, если бы Вы не раскаивались в Вашем деянии, познакомились бы Вы с Соней так близко? Влюбились бы в нее?

Но если рассуждать здраво, стоит ли любовь сотни несчастных жизней? Еще одно Ваше заблуждение было в том, что Соню Вы считали такой же преступницей, как и Вы: «Ты убила в себе себя, я тоже убил, только другого». Но сравнится ли Ваше преступление с ее? Чем она Вас завлекла, что заставила признаться Вас в содеянном? Лишь потому что Вы находили в ней утешение, потому что она не испугалась Вас после Вашего признания: «Что вы, что вы это над собой сделали! Нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете!»? На мой взгляд, отношения ваши были ошибкой, ибо она уговорила признаться Вас в убийстве. Но с другой стороны, Вы сами бы себя погубили в вечном бреду.

После того, как до меня дошла Ваша история, мне стало понятно, что Вы были с самого начала не готовы убить или, по крайней мере, справиться с Вашим психическим состоянием, а значит, вы не готовы были причислить себя к «необыкновенным» людям. И я хочу доказать Вам, что я могу быть причисленной к «высшим», и что Вы не ошиблись в разделении людей на разряды!

В.А.

**Милостивый государь,
Родион Романович!**

Мою любовь к Вам просто не передать словами. Уже донельзя Вы мне нравитесь, Родион Романович. И пишу я Вам для того, чтобы узнать, как там житец вдалеке от Петербурга? И не хочется ли Вам вернуться вновь туда? Также, Родион Романович, я хотела бы поделиться с Вами своим мнением о Вашей теории и жизненной позиции. Я отношусь с почтением к Вам, потому что Вы обладатель «бунтующего сердца», гордости, а также Вы имеете живую душу, способную на сострадание и на самопожертвование.

Вы, дорогой мой Родион Романович, позволили мне осознать, как прекрасна Земля и живущий на ней человек. Но теперь поговорим о Вашей теории. Вы создали свою теорию, отразив в ней, по сути, модель мира. Вы считали, что к добру можно прийти путем преступления. Вы проверили свою теорию на прочность, и Ваш опыт провалился. По Вашему мнению, «грех заглядится за одно маленькое преступление сотнями или даже тысячами хороших дел». Но не тут было, Родион Романович! Ваше заблуждение уж слишком дорого Вам обошлось. Проверять свою теорию убийством просто глупо и неразумно. Разве можно разделять людей на «тварей дражащих» и «сверхчеловеков»? Вы отнесли себя ко вторым, чем совершили ужаснейшую ошибку. Но как могла родиться мысль, что во имя справедливости пролитие крови может быть оправдано и необходимо? Каждый человек - уникален по-своему. Абсолютно каждый индивид обладает какими-то талантами, и у каждого своего пути, но они такие же обычные люди, как и Вы. Все люди имеют второй шанс, шанс, чтобы стать лучше, добрее, шанс сделать то, что давно собирался, но не хватало смелости или терпения, шанс подарить тепло и любовь ближнему, шанс осознать то, что каждая минута жизни - это все-таки счастье. Даже познакомились с Вами, Родион, ближе и узнав причину, подтолкнувшую Вас на убийство, я всё равно не до конца смогла понять и принять Ваш поступок, но я всё равно Вас люблю! Вы всегда останетесь для меня симпатичным человеком, «замечательно хорошим собою, с прекрасными темными глазами, темно-русым, ростом выше среднего, тонким и стройным».

С самого начала, когда при лучах заходящего солнца Вы вышли из своей каморки на «пробу» и до финала, когда Вы опять, вышли на Сенную, чтобы губами припасть к оскверненной Вами земле, я сочувствовала Вам. Даже когда Вы только что загубили

две жизни, а на лестнице раздались шаги, мне хотелось, чтобы Вы спаслись. Или, когда Вы совершили дважды жесточайшее убийство Лизаветы, я хотела, чтобы Вы вышли из подъезда незамеченным. Спросите - почему? Трудный вопрос, пожалуй, потому, что Вы - личность. Вы умный, справедливый, сострадающий, и я Вас люблю. Лужину, Свидригайлову я бы не простила.

Я думаю, да нет, я уверена, что Вы скорее всего хотели доказать себе, что Вы не «тварь дрожащая», а право имеете: «... я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...» Сейчас Вы понимаете, что зря рассчитывали на роль Наполеона. Но Вы даже не воспользовались украденными украшениями и даже не знали, что с ними сделать. А самое страшное в произошедшем с Вами то, что, совершив преступление, Вы себя оправдываете и не испытываете чувства вины, говоря, что убили только бесполезную, гадкую и зловредную вошь. Родион, я осуждаю Вас, и в то же время сочувствую. Вы замыкаетесь в себе, жизнь превращается в упорную и тяжёлую борьбу с самим собой. Вы «оторвали» себя от людей и оказались в одиночестве. Ради чего, Родион? Эх, до чего же Вы себя довели! Стоило ли вообще это преступление Ваших страданий и Ваших родных? Вы спросите - почему с Вами такое происходит, что Вам больно? Да потому, что с детства в Вас заложили всё самое доброе, чистое. Этому доказательство - сон перед убийством. А ещё, Родион, Вы жертвуете своими деньгами семье Мармеладовых, хотя Вы сами в деньгах так нуждались.

Так, теперь о теории. Вы написали, что все правители возвышались над толпой и приносили в жертву людей. Но Вы, кажется, позабыли о том, что существует много разных способов, чтобы стать великим, неординарным человеком, например, как это делают художники, музыканты и другие одаренные натуры. Родион, Вам очень повезло, что на пути Вы повстречали чудеснейшую девушку Соню, чья любовь стала для Вас спасением. Вы увидели в ней красоту, как внешнюю, так и внутреннюю. Соня действительно достойная Вас девушка. Любите Соню, она лучик Ваш света, и она же просто настоящий клад. Несмотря на то, что Вы совершили ужасное преступление, я всё равно восхищаюсь Вами, так как Вы человек очень благородный, отзывчивый и очень добрый, а самое главное - Вы никогда не забываете о своей семье. Родион, Вы правильно сделали, что всё-таки признались в убийстве, ибо каторга для вас не наказание, а спасение от душевных терзаний, выход из тупика, в который вы сами себя загнали.

Но ещё кое-что важное, Родион. Я хочу раскрыть Вам секрет, что вера в Бога - это Ваше спасение и самое главное в жизни.

Прощаясь с Вами, я надеюсь, что здравый смысл победил, и Ваша душа, Родион, готова жить, любить и творить... И я верю, что Вы сможете использовать тот шанс, о котором я Вам написала. Всё в Ваших руках, Родион! Никогда не сдавайтесь, и я желаю Вам с Соней долгих лет вместе.

**Ваш верный друг!
АРУЖАН ТАБАКБАЕВА**

